Slavica Helsingiensia 40
Instrumentarium of Linguistics
Sociolinguistic Approaches to Non-Standard Russian, Helsinki, 2010
A. Mustajoki, E. Protassova, N. Vakhtin (eds.)

Л.Л. Касаткин

К ИСТОРИИ АКАНЬЯ – ЯКАНЬЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

In the Southern Russian dialects, as a result of unstressed vowel reduction, the sound [ɔ], which represented /o/ after the hard consonants, coincided with [a], so that akanye appeared. In the western group of the Southern Russian dialects, unstressed [o̯], which represented /ω/, coincided with [y] in some words or remained as [o]. The difference between dissimilative and strong akanye arose as a result of the realization of the same phonetic model – the model of akanye – in dialects with different rhythmical word structures. Zhizdrinski type of dissimilative jakanye, complicated by the assimilation of the pretonic vowel to the stressed vowel [o] and/or [e], is the basis for another type of dissimilative jakanye. It is more appropriate to call them the types of assimilative-dissimilative jakanye. The basis for the types of assimilative-dissimilative jakanye is strong jakanye, and it is therefore more appropriate to call them the types of assimilative-strong jakanye.

1. Как возникло аканье

Аканье – это неразличение в безударных слогах гласных фонем неверхнего подъёма при совпадении их в части позиций в звуке [а]. Аканье в узком смысле – такое неразличение /о/ и /а/ после твёрдых согласных, аканье в широком смысле – такое неразличение всех гласных фонем неверхнего подъёма после твёрдых и мягких согласных.

О причинах возникновения аканья в русском языке лингвистами высказывались разные предположения. Большинством лингвистов принята теория А.А. Шахматова, который полагал, что аканье возникло в результате двух фонетических процессов. Сначала в южнорусских говорах произошло сокращение длительности всех безударных гласных среднего и нижнего подъёма, в результате чего они совпали после твёрдых согласных в редуцированном гласном [ə] (А.А. Шахматов обозначал этот звук как α или ъ), а после мягких согласных в редуцированном [ə̯] (А. А. Шахматов писал – ε, употреблявшееся в начале XX в. для обозначения безударного «иррационального» [e̯] закрытого (см. Брок 1916: 22)). Затем на следующем этапе эти [ə], [ə̯] удлинялись перед гласными верхнего подъёма [и], [ы], [у] и верхне-среднего [и͡е] – /Ѣ/ и [у͡о] – /ω/. Это удлинение привело к изменению [ə]>[а], а [ə̯] в одних диалектах изменялся в [а], в других в [е]. Перед ударными гласными среднего и нижнего подъёмов [е], [о], [а] удлинения не было, в этой позиции так и остался [ə], а [ə̯]>[е], чаще в [и]. Это аканье было диссимилятивным[1]. Еще позднее в части южнорусских говоров произошло обобщение предударного гласного [а] в 1-м предударном слоге перед всеми ударными гласными. Так возникло сильное аканье (Шахматов 1896–1897; 1915: 331–343; см. также Дурново 1924: 188–190).

[1] Следует иметь в виду, что причиной происхождения этого типа аканья не могла быть диссимиляция – стремление говорящих, сознательное или бессознательное, расподобить подъёмы гласных. Диссимиляция – лишь результат фонетических процессов, происходящих в определённых позициях, но она никогда не является их причиной. «Принцип диссимилятивности в аканье состоит в том, что характер гласного звука зависит от характера гласного звука следующего слога: перед слогом с гласными верхнего подъёма или начинающимися с артикуляции верхнего подъёма старые безударные гласные среднего и нижнего подъёма дали *а* <...>; перед слогом с гласными среднего и нижнего подъёма <...> являются гласные среднего или верхнего подъёма, т.е. отличные от *а*» (Дурново 1969: 157).

Эта теория была принята большинством диалектологов и историков русского языка, хотя высказывались и другие предположения: некоторые лингвисты считали, что исходным был тип сильного аканья, а диссимилятивное аканье возникло из него позднее.

Теория А.А. Шахматова вызывает множество вопросов. Причины предполагаемого им сокращения безударных гласных среднего и нижнего подъёма в безударных слогах (в результате чего они должны были совпасть в [ə] и [ə̯]), он объяснял так: «Конечно, и аканье, и редукция гласных в основании своём явления однородные <…>; зависели эти явления от усиления экспираторной силы ударения; ударяемый слог стал произноситься сильнее, громче, чем раньше, чем в общер<усском> праязыке; это привело к ослаблению силы слогов неударяемых, <…> а, о, е <…> потеряли свою первоначальную природу при сокращении, заменяясь гласными неполного образования: заднего ряда α и среднего ряда ε» (Шахматов 1941: 116). Но чем было вызвано усиление этих ударных гласных, А.А. Шахматов не писал.

Высказывались предположения, что сокращение безударных гласных могло быть в результате перехода от музыкального ударения к динамическому (Трубецкой 1987: 161; Jakobson 1929: 83 и сл.; Кузнецов 1965: 152–153). Но в языках с динамическим ударением 1-й предударный слог не обязательно резко отличен от ударного по силе и длительности. В старомосковском произношении, в среднерусских говорах вокруг Москвы, в современных окающих говорах различия между ударным слогом и 1-м предударным по длительности может и не быть или оно может быть минимальным (см. Аванесов 1949: 78–61; Высотский 1973: 34–41).

Сокращение безударных гласных не обязательно связывать с усилением ударных гласных, оно могло быть вызвано другой причиной – изменением русской артикуляционной базы: ослаблением в русском языке (по сравнению с другими славянскими и другими индоевропейскими языками) степени напряжённости артикулирующих органов в момент речи, происшедшим более 1000 лет тому назад и вызвавшим в русском языке ряд фонетических изменений, в том числе и идущих в настоящее время процессов, с большей силой проявившимся в Южном наречии и приводившим к ослаблению не только безударных, но и ударных гласных; см. [Касаткин 1989: 39–41; 1999: 131–133].

Неясны и причины того, что после сокращения безударных гласных среднего и нижнего подъёмов, приведшего к совпадению их в [ə] и [ə̯], произошло, по мнению А.А. Шахматова, удлинение этих звуков перед гласными верхнего и верхне-среднего подъёма. Неясно также, почему при этом [ə]>[а], [ə̯]>[а] и [и]. Звук [ə] среднего ряда среднего подъёма, он в равной степени удалён от других гласных среднего ряда: [ы] – верхнего подъёма и [а] – нижнего. В современных говорах с диссимилятивным аканьем часто отмечается произношение [ы], реже [э] наряду с [ə]: говорят не только *к*[ə]*сá*, *тр*[ə]*вá*, но и *к*[ы]*сá*, *тр*[ы]*вá*, *в*[ы]*дá*, *д*[ы]*мá*, *п*[ы]*шлá*, *х*[ы]*зя́йка*; реже *в*[э]*дá* и т.п. (см. ДАРЯ I, карта 2). Возникает вопрос, почему [ə] при удлинении перешёл в [а], а не в [ы] или [э], иначе говоря, почему возникло аканье, а не ыканье или эканье? Как мог [ə̯] изменяться не в более близкий к нему [е], а в [’а] и в [и]?

О. Брок выдвинул более простое объяснение происхождения диссимилятивного аканья, но он так же, как и А.А. Шахматов, считал, что условием для его возникновения было предварительное совпадение безударных гласных в редуцированных [ъ] и [ь], а затем произошло их изменение в предударном слоге в [а]. О. Брок предположил, что перед возникновением аканья в южнорусских говорах существовала нейтрализация гласных неверхнего подъёма после твёрдых согласных в звуке типа [ə] (Брок обозначал его как [ъ], он писал также о «редуцированном α», – «переходном звуке между *а* и ъ»), после мягких согласных в звуке типа [ь], а позднее в позиции перед гласными верхнего подъёма они изменились в [а], что и привело к возникновению аканья (Брок 1916: 26,

58). Но О. Брок связывал это изменение не с изменением ударных гласных, а с их исконным качеством. Как известно, с точки зрения собственной длительности гласные верхнего подъёма краткие, гласный нижнего подъёма долгий. При диссимилятивном аканье выступает следующая зависимость: перед долгим гласным произносится краткий гласный, перед кратким гласным – долгий: *съха́ – саху́, с'истра́ – с'астру́* (Брок 1916: 57–59).

Теория О. Брока проще объясняет зависимость между предударными и ударными гласными, но и к ней можно отнести некоторые вопросы, возникающие по отношению теории А.А. Шахматова.

Ответ на некоторые из этих вопросов я нашёл в говорах липован – старообрядцев Нижнего Подунавья.

В говоре старообрядцев села Татари́цы области Силистры Болгарии диссимилятивное аканье с обычным произношением в 1-м предударном слоге после твёрдых согласных на месте /о/, /ω/ и /а/ звука [ə] перед ударным [а] и звука [а] перед другими ударными гласными: *бəл'на́йə, вəйна́, дəва́л'и, мəја́, пəч'а́л, сəба́к, хəва́ит'*; − *бал'и́т', касы́, вайну́, мəлако́, пам'о́р, пајéд'иш, сват'е́й* и т.п. Перед ударным [а] встречается также [а]: *бара́нк'и, даждя́лс'ə, пажа́л'илс'ə, пакла́ду, сама́, хлапча́ты*, а также несколько более закрытый гласный [а̰]: *дурака́ вал'а́ть', ка̰па́к, пакла́дут', са̰ба́к* (Касаткин 2008а: 118).

Такое произношение [а] перед ударным [а], встречающееся и в других говорах с диссимилятивным аканьем, диалектологи объясняли влиянием литературного языка и говоров с сильным аканьем. О. Брок писал: «Для меня нет сомнения, что переход ъ>а в слоге предударном совершается в наши дни главным образом под влиянием извне, всего больше со стороны московского произношения» (Брок 1916: 28; см. также Дурново 1917–1918, вып. 1: 28). В числе примеров «отхода от традиционных систем в современных говорах русского языка под влиянием литературного языка» В.Г. Орлова и Т.Ю. Строганова рассматривали и переход от диссимилятивного аканья к недиссимилятивному (Орлова & Строганова 1968: 191–192, 196–198, 203). Однако говор Татарицы (сейчас это Болгария, ещё раньше это была территория Румынии, а ещё раньше Турции) не испытывает такого влияния: жители села слышали раньше и слышат сейчас русскую литературную речь слишком редко, чтобы она могла вызвать подобное произношение.

Кроме того, «благодаря своей близости к системе аканья литературного языка (недиссимилятивного типа) диссимилятивное аканье изживается с большим трудом. Его особенность − отличие в качестве предударного гласного − обычно не осознаётся говорящим. Различие [ъ] и [а] не оценивается носителем диалектной речи как значимое, и он не замечает, что произносит разные звуки перед разными ударенными гласными» (Орлова & Строганова 1968: 191–192); «Такое аканье – там, где звуку *а* перед слогом с гласными, отличными от *а*, соответствуют перед слогом с *а* такие звуки, которые в другой позиции не встречаются и воспринимаются, как звуки, более близкие к *а*, чем к другим безударным гласным того же говора. В таком случае человек при произношении объективно не может отличить эти звуки от безударного *а*, хотя произносит их иначе. Для него это варианты того же самого *а*» (Дурново 1929: 69).

В говоре Татарицы примеры произношения [а] перед ударным [а] встречаются обычно в сильных фразовых позициях (под синтагменным или фразовым ударением), при акцентном выделении слова, эмфазе и медленном, чётком проговаривании слова. Такое распределение звуков на месте /о/, /ω/ и /а/ свидетельствует о том, что звук [а] в этой позиции не связан с отходом от диссимилятивного принципа, просто [а] и [ə] – разные просодические варианты одной и той же фонологической единицы – архифонемы /о|ω|а/, доминанта которой (основной представитель) осознаётся говорящими как

[а]. Этот звук произносится при достаточной его долготе, а [ə] – при кратком его произнесении[2].

Эта же зависимость есть и в литературном языке, и в говорах с сильным аканьем: в 1-м предударном слоге на месте /о/, /а/ произносится [а], а в других безударных слогах, где звук обычно гораздо короче, – [ə]: *м*[ə]*лодо́й, н*[ə]*писа́ть, го́р*[ə]*д, вы́п*[ə]*х*[ə]*л* и т.п. В беглой речи, при ускоренном темпе в литературном языке и в акающих говорах [ə] на месте [а] произносится часто и в 1-м предударном слоге перед разными ударными гласными. Быстрый темп характерен и для компрессивов – широко употребительных, высокочастотных слов, в которых и в литературном языке, и в говорах безударные гласные, в том числе и гласные 1-го предударного слога, а также и согласные не только могут сокращаться, но и вовсе отсутствовать: *д*[ə]*ва́й, к*[ə]*(г)да́, п*[ə]*ка́, п*[ə]*то́м, дес(я)ти́, т(е)пе́рь* и др.

На месте [а] после мягких согласных в литературном языке при убыстрении темпа речи обычно произносится гласный среднего подъёма [е] ([е^{и}]); ср.: *от моря до моря – от мо́р*[’е] *до мо̋р*[’а]; на конце фонетической синтагмы слово под синтагменным ударением, это сильная фразовая позиция, здесь конечный гласный продлён, а не в конце синтагмы – слабая позиция, здесь гласный короче, и его тембр другой.

При замедлении темпа речи на месте [ə] может произноситься более открытый гласный и в других позициях. П.С. Кузнецов писал о говоре с. Борки Можарского р-на Рязанской обл.: «По моим наблюдениям, во втором предударном слоге (и далее к началу слова) на месте *о* и *а* после твёрдых согласных часто наблюдается, как и в литературном языке, редуцированный гласный типа ъ, например *пълкила, зъпълтара́ рубли́, мълако́, пън’амно́шку, пълажы́ла, ръс’с’в’ало́с’* (рассвелось) и т.д. Но в этом же положении при более медленном темпе речи можно слышать и более отчётливый гласный типа звука, наблюдающегося в литературном языке в первом предударном слоге, например: *плсваму́* (по-своему), *хлпата́ть* (хлопотать), – звук, несомненно, более отчётливый, менее редуцированный, чем в слове *пътписа́лис’* (соседнем слове той же фразы, откуда заимствую примеры)» (Кузнецов 1948: 31–32; см. также Щерба 1912/1983: 154–155; 1983: 56–57).

Мне неоднократно приходилось наблюдать произношение особых звуков на месте /ѣ/ и /ѡ/ лишь в сильных фразовых позициях или при эмфазе, медленном проговаривании слова, в то время как в слабых фразовых позициях произносятся те же звуки, что и на месте /е/ и /о/ (Касаткин 1999: 370, 379–381, 385-388; 2008б: 51; см. также Дурново 1917–1918, вып. 2: 53–55; Гецова 1959: 113–117; Высотский 1975: 9; Пауфошима 1983: 7, 62).

Произнесение звука [а] требует известного напряжения артикулирующих органов: от нейтрального их положения, свойственного, в частности, речевой паузе, язык и нижняя челюсть должны опуститься вниз (гласный [а] – нижнего подъёма). Но при кратком произнесении этого звука необходимое для [а] движение органов речи не успевает произойти и органы речи остаются в пределах нейтрального положения. Это положение типично для [ə] (Щерба 1912/1983: 103). Таким образом, **[ə] – это звук среднего ряда среднего подъёма, который произносится после твёрдых согласных на месте [а] при недостаточном времени для его реализации. После мягких согласных на месте [а] в тех же условиях краткости звука произносится упереднённый [э̟] или [е] – гласные среднего подъёма передне-среднего или переднего ряда.**

В истории южнорусского вокализма не было двух этапов, описанных А.А. Шахматовым: сокращения безударных гласных неверхнего подъёма, приведшего

[2] Н.Н. Дурново приводит примеры произношения, отмеченные в г. Курске: «дъвайтя, пъпа, скъзала, стъяла, дъвай, пъзвать (реже *а* **отчетливо**: салдаты)» (Дурново 1917–1918, вып. 1: 27; выделено мной – Л.К.).

к их совпадению в [ə] после твёрдых согласных и [ə̹] после мягких, а затем их удлинения, приведшего к изменению их в [а]. Была только такая степень редукции безударных гласных, которая привела к совпадению гласных неверхнего подъёма в [а], реализовавшийся при краткости в некоторых позициях звуком [ə] после твёрдых согласных и [е] после мягких[3].

Аканье возникло в связи с совпадением безударного [о] с [а]. По-видимому, это произошло (по крайней мере, вначале) в тех говорах, где такой [о] был в минимальной степени отличен от [а]. Подобные системы отмечены и в современных говорах, севернорусских и южнорусских. В них на месте /о/ произносится под ударением [ɔ] – гласный заднего ряда средне-нижнего подъёма слабо лабиализованный (см., например, Высотский 1967: 66–81; ДАРЯ I, карта 42; Касаткин 2008б; Савинов 2008). Даже при небольшом ослаблении напряжённости этого гласного, что свойственно безударным позициям по сравнению с ударной, различие между таким [ɔ] и [а] утрачивалось и они совпадали в одном звуке[4]. В эпоху возникновения аканья система гласных, в которой были противопоставлены [ɔ], представлявший /о/, и [o̹], представлявший /ω/, была, безусловно, распространена гораздо шире, чем в настоящее время.

Широко распространено мнение, что в безударных позициях /о/ и /ω/ не различались, на их месте произносился один и тот же звук. Однако мною обнаружено различение этих фонем и без ударения в одном севернорусском говоре (Касаткин 2008б). Если такое различение этих фонем было в древности и в южнорусских говорах, то на месте /ω/ под ударением в сильной фразовой позиции произносился дифтонг [y͡o], а в безударных позициях, очевидно, монофтонг – гласный верхне-среднего подъёма заднего ряда [o̹]. Этот звук был близок к [у] и совпал с ним при ослаблении напряжённости в большей части говоров с диссимилятивным аканьем. Так, в северном (смоленском) ареале отмечено произношение: *торг*[у]*ва́ть, слаб*[у]*ва́тый, п*[у]*па́ла, п*[у]*ма́зать, п*[у]*вя́зка, п*[у] *мя́су, л*[у]*па́та, сам*[у]*вар, л*[у]*ма́ть, х*[у]*ва́ть, пом*[у]*га́ть, п*[у]*па́ша, без*[у]*бра́зие, цел*[у]*ва́ли* и др. На южной периферии диссимилятивного аканья [o̹] сохранился в некоторых говорах как [о] или [о]-образный (лабиализованный) звук: *за др*[о]*ва́ми, р*[о]*жа́ли, зим*[о]*ва́ли, разг*[о]*ва́ривая, п*[о]*ста́вки, х*[о]*зя́йство, л*[о]*па́тка, м*[о]*гла́, п*[о]*вя́жут, п*[о]*ста́вят, п*[о]*жа́луйста*; *л*[ъ°]*па́та, п*[ъ°]*вя́зывать* и др. (см. Строганова 1975; ДАРЯ I, карты 2, 9, 10). Звуки [у] и [о] отмечены в этих говорах не только на месте /ω/, но и на месте /о/ и даже на месте /а/, но произношение безударного [о] на месте /а/ встречается и в окающих говорах: *рукова́, брола́, глоза́, зобра́л'и, поха́т'* и т.п. (см. Русская диалектология 1964: 37; ДАРЯ, вып. I, карта 1), эти примеры отражают, очевидно, результат нефонетической замены одних звуков другими.

---

[3] П.С. Кузнецов, соглашаясь с предположением А.А. Шахматова, что аканью предшествовала редукция безударных гласных, приведшая к совпадению гласных неверхнего подъёма в безударных слогах, считает, что гласным звуком, в котором совпали все эти гласные, в некоторых позициях был [ʌ], являющийся «нормой и современного литературного произношения» (Кузнецов 1964: 33). Следует учитывать, что в современном литературном языке в 1-м предударном слоге и в некоторых других позициях произносится гласный, точнее обозначающийся как [aᵊ] или [a̹].

[4] «Объясним изменение неударяемого *о* в *а* в южновеликорусском произношении, напр. в*ада́* из *вода́*. Для произношения гласного *о* губы выдвигаются вперёд и образуют сужение <…>. С течением времени вся эта сложная работа губ постепенно ослабляется при произнесении неударяемого *о* и в результате переходит в пассивное или индифферентное состояние губ при среднем раскрытии рта, а при таком укладе получается уже другой гласный, именно – *а*. Из сказанного ясно, что изменение неударяемого *о* в *а* (через посредствующую стадию å [= ʌ – Л.К.]) произошло в направлении уменьшения работ при произношении <…>. Если же в северновеликорусских говорах в данном неударяемом положении сохраняется *о*, то это указывает на то, что в языке-предке этих говоров гласный *о* имел более устойчивую губную артикуляцию, чем в языке-предке южновеликорусских говоров» (Богородицкий 1935: 25–26).

О некоторых других объяснениях возникновения аканья см. (Ваахтера 2007; 2009: 67–96).

Таким образом, **в южнорусских говорах процесс нейтрализации безударных гласных был связан с их ослаблением в безударных позициях. Вначале с [а] после твёрдых согласных совпал [ɔ], представлявший /о/, так возникло аканье. В этот процесс включился и [o̯], представлявший /ω/. В западных южнорусских говорах этот процесс мог приводить не только к совпадению /о/ с /а/, но и к совпадению /ω/ с /у/ или к сохранению безударного [о] в отдельных словах.**

2. Из истории формирования типов аканья и яканья

1. А.А. Шахматов считал, что аканье возникло как диссимилятивное, а позднее в результате обобщения гласного [а] в 1-м предударном слоге перед всеми ударными гласными в части акающих говоров возникло сильное аканье (Шахматов 1915: 338–339). Этой точки зрения придерживаются и большинство диалектологов и историков русского языка (см., например, Дурново 1917–1918, вып. 2: 78; 1924: 187–193; 1969: 157; Аванесов 1952: 38–43; 1955: 29–30, 33–34; Кузнецов 1965: 153–154; Горшкова & Хабургаев 1981: 102–106; Иванов 1990: 205–209; и др.) Высказывалось также предположение, что исходным был тип сильного аканья, а диссимилятивное аканье возникло из него позднее (Курило 1928; Van Wijk 1934–1935; Vaillant 1950: 107, 234; Чекмонас 1987: 343, 346; и др.). Данные современных русских говоров дают основание предполагать иное происхождение диссимилятивного и сильного аканья на разных южнорусских территориях.

Диссимилятивное аканье распространено в западных говорах Южного наречия, а сильное в восточных, а также и в среднерусских говорах и в литературном языке; см. карту в конце статьи.

Как установил О. Брок, в говорах с диссимилятивным аканьем перед кратким гласным произносится долгий гласный, перед долгим гласным – краткий. Гласные верхнего подъёма [и], [ы], [у] краткие, поэтому перед ними произносится долгий гласный [а], а перед долгим гласным [а] произносится краткий [ə] (Брок 1916: 57–59). Эта зависимость наблюдается не только между 1-м предударным и ударным гласным, но и между гласными других слогов: «В таких говорах фонемы *о* и *а* выступают во 2-м предударном слоге после твёрдых согласных в общем варианте ъ, если в 1-м предударном слоге звучит гласный нижнего подъёма *а*, и в варианте *а*, если в 1-м предударном слоге звучит любой гласный верхнего (или среднего) подъёма: *в н/ъйа/брê, г/ъспа/да́, п/ъда/жди́*; но: *б/аси/ко́м, г/алу/бе́й* и т.п. <...> Если под ударением гласный нижнего подъёма *а*, то в заударном слоге преимущественно наблюдается ъ, а при наличии под ударением других гласных гласные неверхнего подъёма реализуются обычно в звуке *а*: *на ху́т/а/ри, в сто́р/а/ну* при: *ста́р/ъ/му, йа́бл/ъ/ка*» (Русская диалектология 1964: 67–68). В говоре с. Татарицы в Болгарии я отметил: *варəч'а́йт'ис'а, пазəбра́л'и, панəкла́л'и, заɣл'ида́иш, пас'ид'и́м, канцыла́р'ийу, закуйу́т', дə салəвйа́, пəкавəр'а́т'* и т.п. (Касаткин, 2008а: 120; см. также Касаткин 1999: 414).

Произношение [ə] ([ъ]) свидетельствует о краткости слога, произношение [а] – о долготе слога. Такая волнообразная ритмика слова: чередование долгих и кратких слогов – свойство многих языков. Она наблюдается и в некоторых севернорусских говорах, где «случаи выпадения и сильной редукции гласных в 1 п/у и в 1 з/у неконечном слоге и усиление и удлинение во 2 з/у на конце слова являются остатками более древней просодии слова, имевшей, вероятно, волнообразную ритмику с усилением через слог, подобную украинской» (Альмухамедова & Кульшарипова 1980: 47)[5].

В соседних с севернорусскими говорами прибалтийских финских языках также наблюдается «чередование по силе чётных и нечётных слогов». От «модели фонетическо-

[5] О ритмике слова в украинском языке, где условная сила слогов передана цифрами (как в известной «формуле Потебни») 1–3/4–2–3/4–1–1/2, см. (Богородицкий 1910: 317).

го слова в основной массе русских акающих говоров», отвечающей «схеме, предложенной ещё А.А. Потебнёй» (1–2–3–1), отступает «предполагаемая модель далёкого предка не только восточнославянских наречий, но и славянской группы в целом. В общеиндоевропейской системе определённого периода <…> одним из наиболее слабых был первый предударный слог» (Кузнецов 1964: 34–35).

О подобной ритмике слова с чередованием долгого и краткого слога в древнерусском языке свидетельствует распределение сильных и слабых редуцированных гласных [ъ] и [ь]: сильный редуцированный перед слогом со слабым редуцированным, слабый редуцированный перед слогом с сильным редуцированным и гласным полного образования. Об этом же говорит и место второстепенного ударения в слове в древнерусском языке: «Выбор слога или слогов, на которые падает второстепенное ударение, определяется несколькими факторами. Основной из них – ритмический: второстепенное ударение падает через слог вправо от главного, затем ещё одно через слог от этого второстепенного и т.д.» (Зализняк 1985: 179).

В говорах с сильным аканьем иная ритмическая структура слова. Здесь обычно гласный 1-го предударного слога по длительности мало отличается от ударного гласного и может быть даже длительнее ударного, а гласные других безударных прикрытых слогов намного короче ударного (см. Брок 1916: 9; Высотский 1973: 35, 40; Реформатский 1979: 42–44; Касаткина & Щигель 1995: 236–254; и др.). Поэтому в 1-м предударном слоге на месте /о/ и /а/ произносится достаточно полновесный гласный [а], а в других безударных прикрытых слогах, кроме конечного открытого, – краткий [ə].

Такая ритмическая структура слова названа Р.Ф. Касаткиной контуром «сильный центр и слабая периферия», он характерен не только для восточных южнорусских говоров, но и для всех среднерусских, включая говоры с неполным оканьем и оканьем гдовского и полновского типов (Высотский 1973: 35, 40, группы V, VI; Касаткина 1996: 222–235).

В этих говорах на месте [ə] в результате дальнейшей его редукции часто бывает и нуль звука: *к(а)рус'е́л', з:(а) доброту́, пэ̯ў(о)вар'и́т', пр(о)дава́т', с:(о)ӯр'ева́л'и* и гораздо чаще в заударных слогах: *н'е́к(о)му, нап'и́с(а)нэ, в'а́з(а)нэйу, во́л:(о)сэ, ф ху́т(о)р'и, вы́р(о)с'л'и, с'в'о́к(о)р, хо́л(о)т, рабо́т(а)л, ха́тк(а) свэjя́, пло́х(о) мн'е* и т.п. (в скобках указаны непроизнесённые гласные). Редукция гласного до нуля широко известна в этих говорах в тех же позициях и на месте /е/, /о/, /а/ после мягких согласных. Такая редукция практически отсутствует в западных южнорусских говорах, т.е в говорах с диссимилятивным аканьем. Изоглосса этого явления резко разделяет западные и восточные южнорусские говоры; см. карту в конце статьи, а также (ДАРЯ I, карта 32; Кузнецов 1948: 32–33; Голубева 1985; Касаткин 2002б; и др.).

Разное распределение по позициям в фонетическом слове [а] и [ə] в говорах с сильным и диссимилятивным аканьем – это различие поверхностное, тогда как глубинное, лежащее в его основе – это отличие этих говоров по ритмической структуре слова (ср. Войтович 1972: 39).

Различие между диссимилятивным и сильным аканьем возникло в результате реализации одной и той же фонетической модели – аканья, т.е. произношения [а] на месте безударных /о/ и /а/, в говорах с разной ритмической структурой слова. В некоторых говорах с диссимилятивным аканьем может происходить его замена на сильное, но это также связано с изменением ритмической структуры слов[6].

[6] Село Кунича Флорештского района Молдавии населено русскими старообрядцами, бежавшими сюда в начале XVIII в. от преследования правительства и официальной церкви. Самая распространённая фамилия в этом селе – Донцовы, что образовано, по всей видимости, от древнего названия реки Донец (современное – Северский Донец), верхнее течение которой в Белгородской обл. В этих местах сейчас распространено диссимилятивное аканье и яканье (см. ДАРЯ I, карты 2, 3, 8). Но в Куниче по моим наблюдени-

Решение вопроса о том, какой из этих типов первичен, а какой вторичен, зависит от того, как решается вопрос о территории, на которой возникло аканье. Р.И. Аванесов считал, что «первоначальная территория акающего диалекта охватывала бассейны верхней и средней Оки и Сейма, т. е. современную курско-орловскую, тульскую и рязанскую территорию <…> во второй половине XII – первой половине XIII в.» (Аванесов 1955: 28; см. также Аванесов 1952: 40, 41). На этой территории в настоящее время распространены говоры с диссимилятивным и сильным аканьем, и очевидно, что оно и в момент своего возникновения было здесь таким же.

Возникает вопрос о причинах изменения ритмики слова в восточных акающих говорах: на месте более древней ритмики с чередованием сильных и слабых слогов в этих говорах возникает ритмика слова с сильным центром и слабой периферией. Возможно, причиной этого было иноязычное влияние.

Так, известно, большое количество тюркизмов в русском языке (см. [Шипова 1976]) и русских фамилий тюркского происхождения, «связанных с переходом на русскую службу выходцев главным образом из Золотой Орды, а также из родовых и государственных объединений тюркоязычных народов» [Баскаков 1979: 3; см. также: Халиков 1992]. Большинство этих людей занимало весьма высокое положение в русском обществе, что могло приводить не только к заимствованию русскими тюркских слов, но и к некоторым изменениям в русской фонетике.

В современном татарском языке слова с [а] перед [а́] произносятся так же, как в современном русском литературном языке, «так что такие случаи не представляют трудностей ни для татарина по отношению к русским словам, ни для русского по отношению к татарским» [Богородицкий 1953: 92]. Именно эта модель ритмики слова могла быть заимствована в древности русскими у татар и других тюркоязычных народов.

2. Нейтрализация гласных неверхнего подъёма после мягких согласных первоначально, по мнению А.А. Шахматова, Н.Н.Дурново, О. Брока, В.Н. Сидорова (Сидоров 1969: 21), была представлена звуком среднего или средне-верхнего подъёма типа [ɛ], а позднее перед разными ударными гласными этот звук изменялся в [а] и [е], в результате чего и возникли различные типы яканья. Однако не ясны причины, по которым [ɛ] должен был измениться в [а]. И в этом случае следует предполагать иной путь изменения: доминантой архифонемы /е|ѣ|а/ при возникновении аканья был звук [а], который не в последующее время, а с самого же начала при сокращении перед слогом с долгим гласным заменялся звуком [е]. Таким образом, **при возникновении аканья (и яканья) [а] и [е] были позиционными просодическими вариантами одной и той же архифонемы в 1-м предударном слоге.**

Позднее во многих русских говорах, как и в литературном языке, предударный [е] изменялся в [и]. О том, что **в соответствии с современным [и] на месте /е|ѣ|а/ прежде произносился [е]**, может говорить следующее.

Н.Н. Дурново, рассматривая пути изменения обоянского типа яканья в суджанский, писал: «На месте старых *е, ь, ѣ, а* после мягких согласных перед слогом с гласными среднего (и, д<олжно> б<ыть>, нижнего) подъёма звучала гласная, отличная от старого *и*, п<отому> ч<то> в противном случае аналогия, вызывавшая изменение этой гласной

ям, сделанным в 2010 г., у местных жителей, сохраняющих диалектные черты говора, сильное аканье и сильное яканье при соответствующей ритмике фонетического слова. Очевидно, что в течение жизни на бессарабской земле у жителей Куничи произошло изменение ритмики слова, приведшее и к смене типа аканья и яканья. Подтверждают это и наблюдения над этим говором В.И. Тудосе, которая также обнаружила здесь сильное аканье, но указала, что «в обрядовых песнях встречается диссимилятивное аканье» (Тудосе 2003: 154).

в *а* перед слогом с *о* из ъ, должна была затронуть и случаи со старым *и* в этом положении» (Дурново 1917–1918, вып. 2: 46).

На основе анализа южнорусских памятников Г.А. Хабургаев установил: «Южновеликорусские писцы как правило пишут в соответствии с гласным первого предударного слога *е*, а не *и* (кроме <...> случаев с *я*). В частности, в курских грамотах начала XVII в. отмечено только *е* <...>. Эти факты не оставляют сомнения в том, что на коренной южновеликорусской территории в первом предударном слоге *и* по крайней мере до середины XVII в. не произносился как «не-*а*» системы яканья и в ряде южновеликорусских говоров начинает появляться лишь во второй половине столетия. <...> Можно предполагать, что южновеликорусские писцы передавали буквой *е* предударный *ь*, который произносился после мягких согласных в соответствии с ъ после твёрдых. В силу своей “неустойчивости” этот сильно редуцированный гласный в одних говорах (например, задонских) со временем совпал с *е* (от которого артикуляционно он не отличался), в других – с *и* <...>. Передача гласного среднего подъёма переднего ряда *ь* посредством буквы *е* – явление совершенно естественное, если учитывать арсенал графических средств, которыми располагали писцы в XVII столетии. Вторая половина XVII в., видимо, и есть тот период, когда в целом ряде южновеликорусских говоров осуществлялся процесс изменения предударного *ь>и*» (Хабургаев 1966: 300–301).

В 1973–1974 гг. Е.Г. Бурова и я обследовали говоры Чухломского акающего острова в Костромской обл. и обнаружили там особый тип диссимилятивно-умеренного яканья, названный нами чухломским. Он отличается от верхне-днепровского типа диссимилятивно-умеренного яканья тем, что гласные неверхнего подъёма после мягких согласных перед твёрдыми в позиции перед ударным [а] воплощаются в чухломском типе в звуке [е], а в верхне-днепровском типе в [и], и есть основания считать, что диссимилятивно-умеренное яканье верхне-днепровского типа развилось из яканья чухломского типа, сохранившего эту старую особенность в окружении окающих говоров (Касаткин 1999: 417–424).

Современные процессы, идущие в акающих говорах и в литературном языке, также свидетельствуют о прежнем произношении [е] на месте современного [и] в безударных слогах. Так, известно, что в литературном языке современное иканье заменило прежнее эканье. В якающих говорах на месте предударного [а] после мягких согласных часто произносится [е] при сокращении долготы этого гласного. Звуки [а] и [е] в этой позиции, таким образом, вместе противопоставлены звуку [и], выступающему в других позициях. Такое соотношение этих звуков я назвал противопоставлением [и] – не-[и] (Касаткина (ред.) 1999: 148, 182; Касаткин 2002а: 253).

В.Н. Сидоров, посвятивший рассмотрению перехода предударного [е] в [и] одну из своих книг, писал, что это изменение «может быть твёрдо установленным, хотя для него и не найдено объяснения» (Сидоров 1969: 16). Однако можно считать, что оно было связано, во-первых, с краткостью этого безударного звука: по собственной длительности [и] короче [е]. Звук [и] выступает на месте гласных неверхнего подъёма после мягких согласных не только в 1-м предударном слоге во многих акающих говорах, но и в других безударных слогах, самых кратких в слове, в говорах со всеми типами аканья. Но главное – изменение [е] в [и] было связано с мягкостью предшествующего согласного: артикуляция [и] ближе к дополнительной артикуляции палатализованного согласного, доминировавшего в слоге. По-видимому, это **изменение [е]>[и] связано с установлением мягкости согласных на месте прежних твёрдых перед [е]** (о прежней твёрдости согласных перед [е] см. (Касаткин 1999: 391–396)).

3.1. Основные типы диссимилятивного яканья, описанные Н.Н. Дурново, выделены на основании того, какой гласный – [а] или [и] – произносится на месте /е|ѣ|о|а/ после мяг-

кого согласного в 1-м предударном слоге перед ударными гласными средне-верхнего и среднего подъёма.

Типы диссимилятивного яканья

Гласный 1-го предударного слога на месте /е/, /ѣ/, /о/, /а/ после мягких согласных							Ударный гласный
жиздринский	суджанский	щигровский	мосальский	обоянский[7]	дмитриевский	донской	
а	а	а	а	а	а	а	и, ы, у
а	а	а	а	а	а	**и**	$\widehat{уо}$ – /ω/
а	а	а	а	**и**	**и**	**и**	о
а	**и**	**и**	а	**и**	**и**	**и**	’о из *е*
а	**и**	а	**и**	а	**и**	**и**	$\widehat{ие}$ – /ѣ/
а	**и**	**и**	**и**	**и**	**и**	**и**	е
и	**и**	**и**	**и**	**и**	**и**	**и**	а

Предударные [а] и [и] на месте гласных неверхнего подъёма после мягких согласных в 1-м предударном слоге Н.Н. Дурново рассматривал как проявление диссимиляции [Дурново 1917–1918, вып. 1: 34–35]. Однако если учесть прошедшие процессы совпадения в части говоров /ѣ/ с /е/ (при суджанском, мосальском, дмитриевском и донском типах) и /ω/ с /о/ (при донском типе), изменения ударного [е] в [’о] и перехода предударного [е] в [и], то предшествующее изменению [е] в [и] **произношение гласного среднего подъёма [е] перед ударными гласными того же среднего подъёма [е] и [о] с бóльшим основанием может быть связано с ассимиляцией ударному гласному.**

Исходным для всех типов диссимилятивного яканья Н.Н. Дурново вслед за А.А. Шахматовым считал обоянский тип (Дурново 1917–1918, вып. 2: 64–66). Однако в основе этих типов можно видеть не обоянский, а жиздринский тип (ср. Ван-Вейк 1934–1935), осложнённый ассимиляцией предударного гласного ударному [е], в некоторых типах также [о], по-разному проявившейся перед исконными /ѣ/ и /ω/ и осуществлявшейся в одних говорах до, а в других после перехода [е] в [’о].

Таким образом, **исходная модель диссимилятивного яканья – жиздринский тип, а другие типы диссимилятивного яканья возникли в результате ассимиляции предударного гласного [а] ударным гласным среднего подъёма [е] и [о]. Поэтому правильнее называть их типами ассимилятивно-диссимилятивного яканья**.

Подтверждением этому могут служить данные, свидетельствующие об особом поведении гласных перед гласными среднего подъёма. Так, Р.Ф. Касаткиной и Е.В. Щигель, а также Д.М. Савиновым обнаружено в акающих говорах явление ассимиляции предударного гласного ударным гласным среднего подъёма [е] и [о] в позиции после твёрдых согласных (Касаткина & Щигель 1995; Савинов 2001: 212–213). Известны и другие случаи ассимиляции гласных в древнерусском языке и в русских говорах (см. Касаткина 1996: 207–221; Касаткин 1999: 398–399). Это одно из проявлений сингармонизма в русских говорах (ср. Высотский 1949: 73).

Принято считать, что в современном русском литературном языке после [ж], [ш], [ц] на месте *е* в 1-м предударном слоге обычно произносится [ы] (точнее [ыᵌ], в другой транскрипции [ыᵌ], [ы̟]): [жыᵌрло́], [шыᵌрша́въі], [шыᵌпта́·т’] и др. (Аванесов 1956: 111–112); *ш*[ыᵌ·]*сти́, скреж*[ыᵌ]*ма́ть, лж*[ыᵌ]*ца́* (Касаткин 2008в: 153–154). Наряду с [ыᵌ] может произноситься и [эᵎ] как остаток прежнего эканья (Панов 1979: 160). Однако перед ударными гласными среднего подъёма гораздо чаще, чем перед гласными верхнего и нижнего подъёмов распространено произношение предударного [э] ([эᵎ]) как результат

[7] Обоянский и задонский тип, отличающийся от обоянского произношением [е] вместо [и] на месте гласных неверхнего подъёма в 1-м предударном слоге, обобщенно называют архаическим типом.

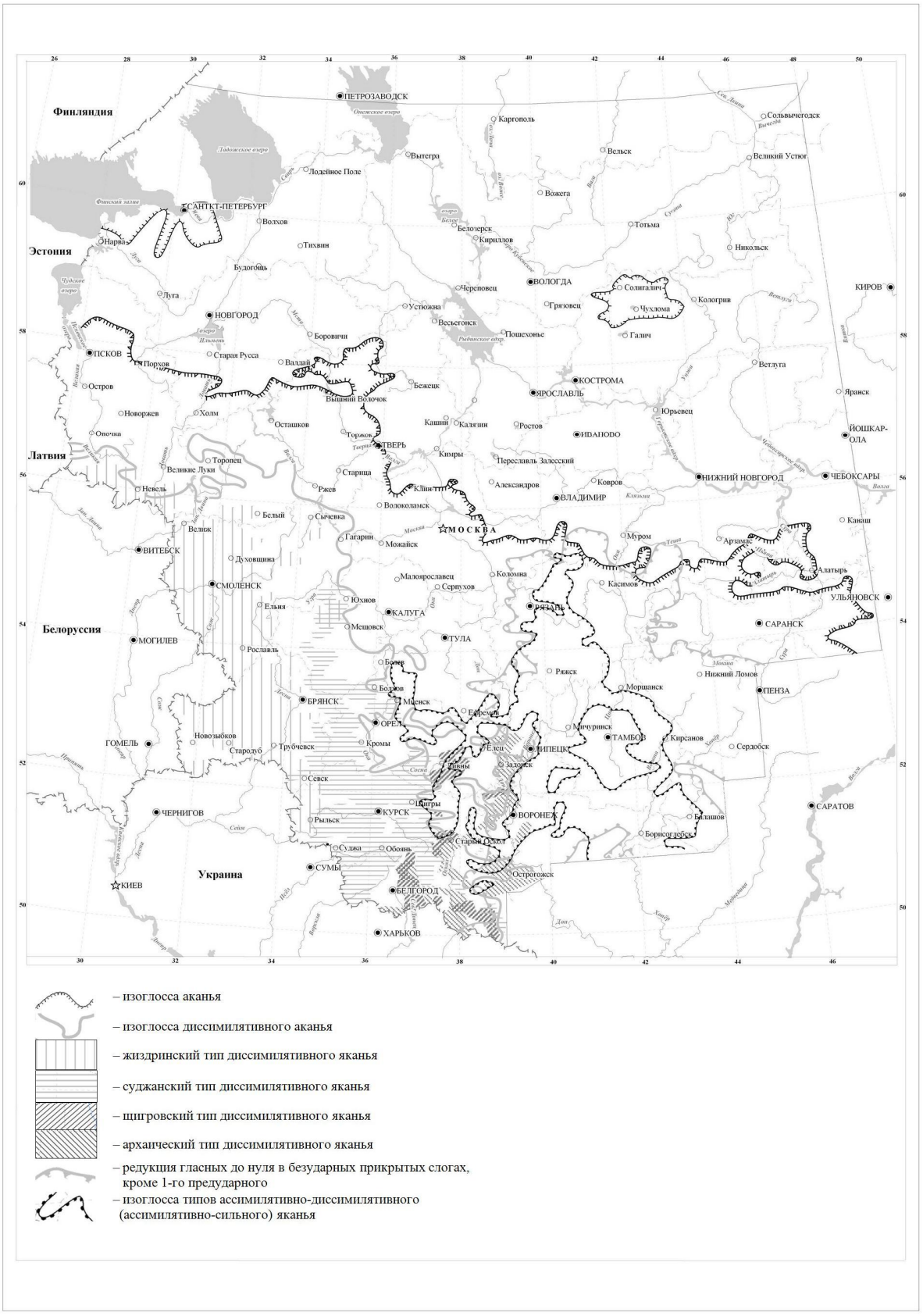
ассимиляции, уподобления гласных: *ж*[э]*ле́зный, ж*[э]*лте́ть, ж*[э]*лто́к, ж*[э]*рло́, ж*[э]*сто́кий, ж*[э]*то́н*; *ш*[э]*рбе́т, ш*[э]*ре́нга, ш*[э]*стёрка, ш*[э]*сто́й, ш*[э]*сто́к*; *ц*[э]*ле́бный, ц*[э]*ле́е, ц*[э]*ло́ванный, ц*[э]*нтро́вка, ц*[э]*нтро́вочный, ц*[э]*пно́й, ц*[э]*рко́вный* и т.п.

3.2. На достаточно большой части территории Восточной (Рязанской) группы и большей части Донской группы Южного наречия при сильном аканье распространено ассимилятивно-диссимилятивное яканье (см. Захарова 1975; ДАРЯ I, карта 3; Хмелевская 1970, карты 7, 8; Орлов 1984: 8–9). Названо так оно было Н.Н. Дурново (1917–1918, вып. 2: 86), по мнению которого оно «получилось из диссимилятивного восточного (задонского) типа вследствие ассимиляции предударных открытых гласных гласным ударяемого слога» (Дурново 1923: 369).

Типы ассимилятивно-диссимилятивного яканья

Гласный 1-го предударного слога на месте /е/, /ѣ/, /о/, /а/ после мягких согласных				Ударный гласный
ореховский	новосёлковский	култуковский	кидусовский	
а	а	а	а	и, ы, у
а	а	а	а	у͡о – /ω/
а	а	а	а	о
а	**и**	а	**и**	’о из *е*
а	а	**и**	**и**	и͡е – /ѣ/
и	**и**	**и**	**и**	е
а	а	а	а	а

В этих говорах после мягких согласных перед всеми ударными гласными произносится [а] и только перед [е], выступающим на месте /е/ (в некоторых говорах также перед исконной /ѣ/, совпавшей с /е/, и/или перед [’о] на месте прежнего [е]) произносится [и]. Если учесть, что предударный [и] возник на месте прежнего [е], а во многих этих говорах отмечаются неразличение /е/ и /ѣ/ и примеры неперехода [е]>[’о], что было характерно, очевидно, для этих говоров в прошлом (см. Аванесов 1952: 31–34; ДАРЯ I, карта 38, II, карты 82, 94), то можно это произношение, как и подобное произношение при суджанском, щигровском, мосальском и других типах, объяснить ассимиляцией предударного гласного ударному: перед ударным [е] предударный [а] заменялся на [е]. Во всех остальных позициях произношение предударного [а] подчинялось принципу сильного яканья. Ассимилятивность в этих типах касается не позиции перед [а], как считают диалектологи вслед за Н.Н. Дурново, а позиции перед [е], поэтому **название этого типа в разных его разновидностях должно быть не ассимилятивно-диссимилятивное, а ассимилятивно-сильное яканье. В основе этих типов было сильное яканье.**



Мосальский тип отмечен в нескольких говорах на территории распространения главным образом жиздринского типа, а также суджанского типа, дмитриевский тип – в нескольких говорах вместе с суджанским типом. Донской тип отмечен в говорах Дона в Волгоградской и Ростовской обл. за пределами карты ДАРЯ.

Литература

Аванесов, Р.И.: 1949, *Очерки русской диалектологии, Ч. 1,* Москва.

Аванесов, Р.И.: 1952, ‘Лингвистическая география и история русского языка’, *Вопросы языкознания*, 6, 25–47.

Аванесов, Р.И.: 1955, ‘Проблемы образования языка русской (великорусской) народности’, *Вопросы языкознания*, 5, 20–42.

Аванесов, Р.И.: 1956, *Фонетика современного русского литературного языка*, Москва.

Альмухамедова, З.М. & Кульшарипова, Р.Э.: 1980, *Редукция гласных и просодия слова в окающих русских говорах (Экспериментально-фонетическое исследование)*, Казань.

Баскаков, Н.А.: 1979, *Русские фамилии тюркского происхождения*, Москва.

Богородицкий, В.А.: 1910, *Краткий очерк диалектологии и истории русского языка*, Казань.

Богородицкий, В.А.: 1935, *Общий курс русской грамматики*, 5-е изд., Москва – Ленинград.

Богородицкий, В.А.: 1953, *Введение в татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками*, 2-е изд., Казань.

Брок, О.: 1916, *Говоры к западу от Мосальска*, Петроград.

Ваахтера, Й.: 2007, ‘К вопросу об истории гласного *о*, полногласия и аканья в русском языке в свете данных о славянизации Русского Севера’, *Topics on the Ethnic, Linguistic and Cultural Making of the Russian North – Вопросы этнического, языкового и культурного формирования Русского Севера – Beiträge zur ethnischen, sprachlichen und kulturellen Entwicklung des russischen Nordens*, Juhani Nuorluoto (ed.), (=*Slavica Helsingiensia 32*), Helsinki, 286–301.

Ваахтера, Й.: 2009, *Эволюция системы гласных фонем в некоторых русских говорах Вологодской области* (=*Slavica Helsingiensia 37*), Хельсинки.

Войтович, Н.Т.: 1972, ‘К вопросу о путях развития аканья в восточнославянских языках’, *Общеславянский лингвистический атлас: Материалы и исследования. 1970*, отв. ред. Р.И. Аванесов, Москва, 17–39.

Высотский, С.С.: 1949, ‘Работы Е.Ф.Будде о рязанских говорах в свете новых данных’, *Бюллетень диалектологического сектора Института русского языка*, Москва – Ленинград, 6, 52–103.

Высотский, С.С.: 1967, ‘Определение состава гласных фонем в связи с качеством звуков в севернорусских говорах’, *Очерки по фонетике севернорусских говоров*, Москва, 5–82.

Высотский, С.С.: 1973, ‘О звуковой структуре слова в русских говорах’, *Исследования по русской диалектологии*. Отв. ред. С.В. Бромлей, Москва, 17–41.

Высотский, С.С.: 1975, ‘К проблеме изучения вокализма южнорусских говоров’, *Русские говоры: К изучению фонетики, грамматики, лексики*, отв. ред. Е.В. Немченко, Москва, 3–19.

Гецова, О.Г.: 1959, ‘О произношении ударного *о* разного происхождения в говоре с. Катагощи Захаровского района Рязанской области’, *Материалы и исследования по русской диалектологии. Новая серия. Т. 1*, отв. ред. Р.И. Аванесов, В.Г. Орлова, Москва, 105–118.

Голубева, Н.Л.: 1985, ‘О консонантном окружении гласных, редуцируемых до нуля’, *Диалектография русского языка*, отв. ред. Р.И. Аванесов, А.И.Горшков, Москва, 60–80.

Горшкова, К.В. & Хабургаев, Г.А.: 1981, *Историческая грамматика русского языка*, Москва.

ДАРЯ: *Диалектологический атлас русского языка: Центр Европейской части СССР*, под ред. Р.И. Аванесова и С.В. Бромлей, Вып. I. Фонетика, Москва, 1986; Вып. II. Морфология, Москва, 1989.

Дурново, Н.Н.: 1917–1918, *Диалектологические разыскания в области великорусских говоров. Ч. I. Южновеликорусское наречие*, вып. 1, Москва, вып. 2, Типография Шамординской женской пустыни Калужской губ.

Дурново, Н.Н.: 1923, ‘Ответ проф. Е.Ф. Будде’, *Известия ОРЯС*, 1919, т. XXIV, кн. 2, Петроград, 362–371.

Дурново, Н.Н.: 1924, *Очерк истории русского языка*, Москва – Ленинград.

Дурново, М.: 1929, ‘Увагі да беларускай фонэтыкі’, *Беларуская акадэмія навук. Запіскі аддзелу гуманітарных навук, кн. 9. Працы клясы філёлёгіі*, т. II, Менск, 68–72.

Дурново, Н.Н.: 1969, *Введение в историю русского языка*, [2-е изд.] Москва.

Зализняк, А.А.: 1985, *От праславянской акцентуации к русской*, Москва.

Захарова, К.Ф.: 1975, ‘Ассимилятивно-диссимилятивное яканье по данным «Атласа русских говоров к югу от Москвы»’, *Русские говоры: К изучению фонетики, грамматики, лексики*, отв. ред. Е.В. Немченко, Москва, 19–40.
Иванов, В.В.: 1990, *Историческая грамматика русского языка*, 3-е изд. Москва.
Касаткин, Л.Л.: 1989, ’Одна из тенденций развития фонетики русского языка’ *Вопросы языкознания*, 6, 39–45.
Касаткин, Л.Л.: 1999, *Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка*, Москва.
Касаткин, Л.Л.: 2002, ‘Диереза и оглушение гласных в говорах Донской группы южного наречия’, *Материалы и исследования по русской диалектологии, I (VII)*, отв. ред. Л.Л. Касаткин, Москва, 40–64.
Касаткин, Л.Л.: 2008а, ‘Русский говор села Татарица в Болгарии’, *Русские старообрядцы: язык, культура, история: Сборник статей к XIV Международному съезду славистов*, отв. ред. Л.Л. Касаткин, Москва, 116–139.
Касаткин, Л.Л.: 2008б, ‘Фонемы /ɔ/, /ω/, /a/ в слободских говорах’ *Материалы и исследования по русской диалектологии, III (IX)*, отв. ред. Л.Л. Касаткин, Москва, 50–67.
Касаткин, Л.Л.: 2008в, *Современный русский язык: Фонетика*, 2-е изд., Москва.
Касаткина, Р.Ф.: 1996, ‘Просодия русских говоров’, *Просодический строй русской речи*, отв. ред. Т.М. Николаева, Москва, 205–255.
Касаткина, Р.Ф. (ред.): 1999, *Русские народные говоры. Звучащая хрестоматия. Южнорусское наречие*, Москва: Наука.
Касаткина, Р.Ф. & Щигель, Е.В.: 1995, ‘Ассимилятивно-диссимилятивное аканье’, *Проблемы фонетики, II*, отв. ред. Л.Л. Касаткин, Москва, 295–309.
Кузнецов, П.С.: 1948, ‘К вопросу о качестве безударных гласных не первого предударного слога в акающих говорах’, *Бюллетень диалектологического сектора Института русского языка [АН СССР]*, вып. 2, отв. ред. С.П. Обнорский, Р.И. Аванесов, Москва – Ленинград, 29–34.
Кузнецов, П.С.: 1964, ‘К вопросу о происхождении аканья’, *Вопросы языкознания*, 1, 30–41.
Курило, О.Б.: 1928, ‘До питання про умови розвитку дисимілятивного акання’ *Записки історико-філологічного відділу Української Академії Наук*, кн. XVI, 1928, 48–72.
Орлов, Л.М.: 1984, *Русские говоры Волгоградской области*, Волгоград, 1984.
Орлова, В.Г. & Строганова, Т.Ю.: 1968, ‘Народные говоры: Фонетика’, *Фонетика современного русского литературного языка. Народные говоры* (Русский язык и советское общество: Социолого-лингвистическое исследование [4]), под ред. М.В. Панова, Москва, 183–211.
Панов, М.В.: 1979, *Современный русский язык: Фонетика*, Москва.
Пауфошима, Р.Ф.: 1983, *Фонетика слова и фразы в севернорусских говорах*, Москва.
Реформатский, А.А.: 1979, *Очерки по фонологии, морфонологии и морфологии*, Москва.
Русская диалектология, 1964, под ред. Р.И. Аванесова, В.Г. Орловой, Москва.
Савинов, Д.М.: 2001, ‘Развитие предударного вокализма в одном тульском говоре’, *Жизнь языка: Сборник статей к 80-летию М.В. Панова*, отв. ред. С.М. Кузьмина, Москва, 211–215.
Савинов, Д.М.: 2008, ‘К вопросу о зависимости типов аканья и яканья от семифонемного вокализма’, *Материалы и исследования по русской диалектологии. III (IX)*, отв. ред. Л.Л. Касаткин, Москва, 182–193.
Сидоров, В.Н.: 1969, *Из русской исторической фонетики*, Москва.
Строганова, Т.Г.: 1975, ‘О характере реализации гласных неверхнего подъёма в 1-м предударном слоге после твёрдых согласных в говорах с диссимилятивным аканьем’, *Русские говоры: К изучению фонетики, грамматики, лексики*, отв. ред. Е.В. Немченко, Москва, 40–58.
Трубецкой, Н.С.: 1987, *Избранные труды по филологии*, Москва.
Тудосе, В.И.: 2003, ‘Особенности речи жителей русского села Кунича в Молдавии’, *Старообрядцев Молдавии живое слово: Материалы международной научно-практической конференции «Старообрядчество Молдавии: истоки и современность», [состоявшейся в г. Кишинёве (Республика Молдова)] 14–16 декабря 2002*, Кишинёв, 153–163.
Хмелевская, Т.А.: 1970, *Русские говоры Дона (фонетика)*, Ростов-на-Дону.
Хабургаев, Г.А.: 1966, ‘Заметки по исторической фонетике южновеликорусского наречия: (*Введение. Вокализм*)’, *Учёные записки Московского областного педагогического института им. Н.К. Крупской. Т. 163, вып. 12, Русский язык*, Москва, 271–314.

Халиков, А.Х.: 1992, *500 русских фамилий булгаро-татарского происхождения*, Казань.
Чекмонас, В.Н.: 1987, ‘Территория зарождения и этапы развития восточнославянского аканья в свете данных лингвогеографии’, *Russian Linguistics*, v. 11, № 2-3, 335–349.
Шахматов, А.А.: 1896–1897, ‘Звуковые особенности ельнинских и мосальских говоров’, *Русский филологический вестник*, 1896, т. XXXVI, № 3-4, 60–99; 1897, т. XXXVIII, № 3-4, 172–209.
Шахматов, А.А.: 1915, *Очерк древнейшего периода истории русского языка* (Энциклопедия славянской филологии, вып. 11.1.), Петроград.
Шахматов, А.А.: 1941, *Очерк современного русского литературного языка*, 4-е изд., Москва.
Шипова, Е.Н.: 1976, *Словарь тюркизмов в русском языке*, Алма-Ата.
Щерба, Л.В.: 1912/1983, *Русские гласные в качественном и количественном отношении*. Санкт-Петербург – Ленинград.
Щерба, Л.В.: 1983, *Теория русского письма*, Ленинград.
Jakobson, R.: 1929, *Remarques sur l’évolution phonologique du russe, comparée à celle des autres langues slaves* (Travaux du Cercle linguistique de Prague, 2), Praha; Перепечатано в: Jakobson, R., *Selected Writings, I*, 2 ed, The Hague: Mouton, 1971.
Vaillant, A.: 1950, *Grammaire comparée des langues slaves. T. I. Phonetique* (Collection «Les langues du monde», série Grammaire, philology, littérature. Vol. VI), Lyon – Paris.
Van Wijk, N.: 1934–1935, ‘Zur Entwicklungsgeschichte des Akanje und Jakanje’, *Slavia*, XIII, 4, 640–654.